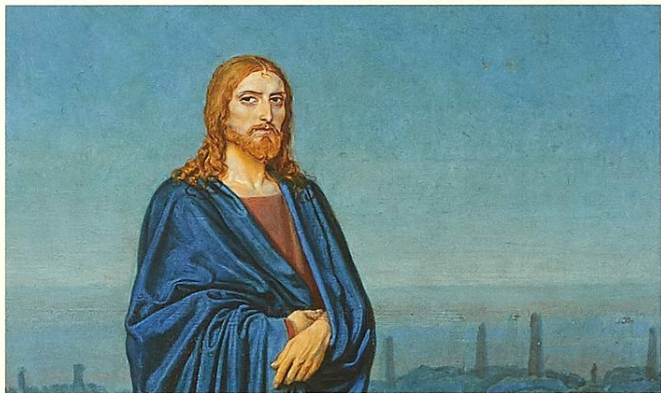

Протоиерей Геннадий Фаст

ХРИСТОС

Бог ✦ Человек ✦ Спаситель

Иисус в таинствах
и обрядах

Иисус в истории
и культуре

Иисус
в апокрифах

Иисус
в богословии

Иисус ислама

Иисус в древних
пророчествах

Геннадий Фаст
Христос. Бог.
Человек. Спаситель
Серия «Открывая Православие»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36620960

Христос. Бог. Человек. Спаситель. / Фаст Геннадий, протоиерей:

Никея; Москва; 2018

ISBN 978-5-91761-837-1

Аннотация

Многие личности оказали влияние на историю человечества, но ни о ком не спорят так долго и так ожесточенно, как о Христе. Христиане считают Его Богом, мусульмане – величайшим пророком человечества. Так кто же такой Христос? Что значат ветхозаветные пророчества и евангельские свидетельства? Каким мы видим Христа в апокрифах и исторических источниках?

Эта книга – уникальный рассказ об Иисусе Христе: глубокий, наполненный историческими и богословскими знаниями, в то же время изложенный поразительно доступно и увлекательно.

Содержание

Христос пророческий	5
Христос в библейских символах	30
Христос – Сын Человеческий	52
О Рождении Сына Человеческого	52
О человеческой немощи	60
Друзья Иисуса	65
«Благожелатели» Иисуса	69
Внешность Иисуса Христа	73
Страдания Сына Человеческого	75
Христос – Сын Божий	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Протоиерей Геннадий Фаст

Христос. Бог.

Человек. Спаситель

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 10-10-0750

Христос пророческий

Пожалуй, ни об одной личности не спорили так долго и столь ожесточенно, как о Христе. Не случайно в Евангелии сказано:

Лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий (Лк. 2: 34).

Выдающихся людей, оказавших значительное влияние на ход мировой истории, много. Однако никто не дискутирует, например, по вопросу о том, кто такой Эйнштейн. Всем известно: он – великий физик. Никто не задается вопросом, кто такой Мухаммед (или Магомет, как мы привыкли называть его): основатель ислама, почитаемый мусульманами пророк. Известно, кем был Конфуций – древнекитайским мудрецом, заложившим основы конфуцианского мышления и верований Китая.

Но Кто Такой Христос? Здесь мы сталкиваемся с величайшим разбросом мнений, которые порождают все новые вопросы. Еще при жизни Иисус спрашивал у учеников:

За кого люди почитают Меня? (Мф. 16: 13).

Одни говорили, что на землю вернулся пророк Илия, жив-

ший за восемьсот лет до Рождества Христова. Другие полагали, что это – Иеремия, потому что он спрятал ковчег Завета – величайшую святыню Израиля и она исчезла. Иудеи верили в то, что он придет вновь. Третьи нисколько не сомневались в том, что перед ними – всего лишь ловкий обманщик. Четвертые считали Его сумасшедшим. Пятым казалось, что Иисус одержим бесами. Некоторые уверяли, что народ имеет дело с политическим преступником...

Несмотря на то что с тех пор пронесли уже двадцать столетий, в наше время эти споры не только не утихли, но звучат еще громче, а спектр суждений еще более расширился. Кто же Такой Христос? «Инопланетянин», «экстрасенс», «махатма, пришедший из Индии и достигший там мудрости», «иудейский пророк», «Сын Божий и Бог» – чего только не услышишь...

Я предлагаю вашему вниманию цикл лекций, посвященных Иисусу Христу. Казалось бы, что нового могут почерпнуть из них православные россияне? Вроде бы нам и так обо всем известно! Но, оказывается, в России о Господе знают очень мало, и даже, что еще более удивительно, православные христиане порой знают о целителе Пантелеимоне или о чудотворце Николае больше, чем о Нем. Заходишь в дом, поднимаешь глаза: икона Божией Матери, икона Ангела Хранителя... А вот образа Спасителя нет! Не случайно в одной современной книжке православные христиане иронично называются «николаитами», то есть людьми, почита-

ющими, прежде всего, святителя Николая. Как раз поэтому мне хотелось бы поразмышлять с вами именно о Христе.

Прежде всего, отметим совершенно уникальную особенность, относящуюся лишь к Его Личности. Множество людей жили и продолжают жить на земле, однако ни о ком более не было возведено наперед много веков тому назад.

Иногда люди удивительным образом предчувствуют грядущие события, но еще не случилось такого, чтобы о той или иной человеческой личности было заранее сказано практически все. Причем речь идет не о каких-то туманных высказываниях: вся Его жизнь и все Его дела были так или иначе предвозвещены пророками. Христос еще не родился, Его еще не было на земле, но Он уже существовал в многочисленных и недвусмысленных пророчествах. О Нем говорили, Его ждали, Его заранее любили, за Него отдавали свои жизни, с Ним уже тогда боролись...

С какого времени на земле заговорили о Христе? С того момента, как люди обрели дар речи. Не было такого времени, когда бы о Нем ничего не знали и не говорили. Согласно Протоевангелию, или, говоря по-русски, Первоевангелию, это возведение было дано первой человеческой чете – Адаму и Еве. История их грехопадения всем хорошо известна: им было возбранено вкушение плодов с дерева познания добра и зла. Тем не менее они это сделали, и произошел грех. Следует отметить, что они нарушили Божий запрет не в поисках истины и не для того, чтобы познать суть добра и

зла, а поддавшись искушению змия – духа лукавого и нечистого. Этому духу, поименованному в Библии древним змием, Бог говорит:

И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту (Быт. 3: 15).

Адам и Ева еще не изгнаны из рая. Человеческая история еще не началась, потому что она берет свое начало с того момента, когда Адам и Ева оказываются здесь, на этой, как мы говорим, грешной земле. Однако уже в предыстории человеческой заложено это пророчество: *Вражду положу между тобою*, то есть змием, *и между женой*. Семя змия – это грех, и, действительно, вся история человечества – история борьбы добра со злом. Они неизменно противодействуют и борются в душе каждого человека. Известно выражение Ф.М. Достоевского: «...дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»...

Вся всемирная история – развернутое описание этого сражения. Слово «семя» и в еврейском первоисточнике, и в греческом переводе означает не «потомство», а «потомок», о котором сказано в единственном числе. Иными словами, появится потомок, который *будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту*. Придет Тот, Кто сокрушит главу змия, то есть сокрушит главу греха, исторгнет его жа-

ло. Но грех не сдастся без боя. Этот древний змий, дьявол, будет жалить в пятую.

Пятой человек касается земли. Святые отцы говорили, что пята – это образ плоти, человеческой природы во Христе. Эта человеческая природа и была ужалена дьяволом. Именно над ней издевались, в нее плевали, и, наконец, в нее заколотили гвозди. Христос был распят, то есть Он был «ужален в пятую» – в Свою человеческую, земную природу, потому что Его Божественная природа недосягаема для сил зла. Человеческая же природа для того и была явлена миру, и об этом было сказано изначально. Таким образом, с самого начала человеческая история – это распрямляющаяся пружина, а Христос – ее движущая сила.

История телеологична, то есть она разворачивается в соответствии с заранее предопределенной Богом целью. Это – не просто бессмысленный круговорот времен, как говорит Соломон устами Екклесиаста и как полагали многие философы. Истории присуща четкая направленность, и весь вектор древней истории был направлен ко Христу.

Родоначальник монотеизма на земле – Авраам. Все три монотеистические религии – иудейская, христианская и мусульманская – называются авраамическими. Их приверженцы считают себя детьми Авраама и исповедуют Единого Бога Авраама. Монотеистические религии противостоят язычеству и политеизму, то есть многобожию и демонопоклонничеству. Авраам – еще не основатель религии, а простой,

никому не известный месопотамский пастух, не очень бедный и не слишком богатый. Господь говорит ему:

Пойди из земли твоей¹, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе(Быт. 12:1).

и далее:

И явился Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию (Быт. 12: 7).

Слову «потомство» опять-таки и в еврейском, и в греческом языках присуща лишь форма единственного числа, то есть «потомок». Это заметил еще апостол Павел:

Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос (Гал. 3: 16).

Авраам – первый человек, восходящий к представлению о Едином Боге, являющемся ему и сразу же пророчащем о его потомке, который и будет обладателем этой земли. Вся вера Авраама устремлена ко Христу, она, по сути, христоцентрична, хотя, казалось бы, что мог знать Авраам о Христе, о Его Рождестве, Преображении, смерти и Воскресении? Однако о Христе ему было уже возведено. Ему не просто отда-

¹ Из междуречья Тигра и Евфрата.

ется земля для потомков, ему даруется земля, которая впоследствии будет названа «землей Иисуса», то есть землей, с которой началось спасение.

Внук Авраама, Иаков, – третий из праотцев, благословляет двенадцать своих сыновей. Именно от них произойдут двенадцать колен Израилевых. Благословляя четвертого сына, Иуду, Иаков сказал:

Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов (Быт. 49: 9-10).

Иаков пророческим взором видит особую судьбу сына и его потомков. Но его интересует судьба одного Потомка, долженствующего прийти через это колено, которого он называет «львом», поднимающимся с добычи, «львицей», которая заснула. Наконец, он недвусмысленно говорит о том, что *не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов*.

Действительно, иудеи всегда возглавлялись собственными правителями, вне зависимости от того, были ли они в тот момент свободны или попадали в порабощение. Лишь через восемнадцать веков после этого пророчества иудеи впер-

вые теряют своего правителя, своего законодателя. Скипетр оказывается в руках Ирода, прозванного Великим, который не был иудеем и вообще израильтянином, а происходил из исторической области, располагавшейся на юге Палестины. Несмотря на это, Ироду удалось воцариться. Именно в его царствование и родился

Христос, Который назван Примирителем. Ему будет принадлежать покорность народов.

Обычно покорность достигается жестокими завоевателями огнем и мечом. Однако на этот раз народы будут покорены миром, поэтому и Царство Его будет царством мира. Все это предвидит праотец Иаков, благословляя одного из своих сыновей.

Следующая ключевая личность мировой истории – Моисей, с именем которого связано образование израильского народа как народа Божия, народа богоизбранного. Через Моисея людям была дана Тора – закон, положивший начало иудаизму. Чувствуя приближение своего ухода в мир иной, Моисей обращается к израильтянам, к своему народу, который чрезвычайно чтит его, как почитает и поныне:

Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте (Втор. 18: 15).

Что значит *пророка, как меня?* Моисей – отнюдь не ря-

довой пророк. Он – основатель иудейской веры, через него людям был дан закон, он – законодатель и их ходатай перед Богом. Говоря о своем будущем Наследнике, Моисей ведет речь не о человеке, возвещающем будущее и обличающем современников, а о Том, кто, подобно ему, будет Заступником и дарует людям Новый Завет с Богом.

И такой Пророк пришел, это – Иисус Христос. Таким образом, Адам, Авраам, Израиль, Моисей – ключевые личности вненационального масштаба; через каждого из них начинался новый этап религиозной жизни на планете. Каждый из них возвещал о том, что придет Христос, каждый призывал: «не ограничивайтесь мною», в отличие от основателей прочих религий. Те лишь закладывали некие основания, строго предупреждая своих последователей не отступать от них ни в коем случае, а ветхозаветные пророки, наоборот, вразумляли: «Не удовлетворяйтесь тем, что мы вам сказали. Мы лишь ведем вас к Тому, Кто придет. Только ради Него мы и существуем, ради Него говорим и действуем».

Библейские пророки возвестили об Иисусе практически все. Тексты Ветхого Завета передают нам образ Христа и раскрывают суть Его учения. Это касается и глубинных, основополагающих моментов, и, казалось бы, малосущественных деталей. Какая разница, например, в каком городе Он родится? Но даже это было возвещено пророками. Я приведу ряд текстов из Священного Писания, предвозвещавших о Спасителе. Это – Евангелие не от апостолов, а от пророков.

Пророк Михей, живший в VIII веке до Рождества Христова, возвещает о рождении Христа, прямо указывая на место, в котором произойдет это величайшее событие:

И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных (Мих. 5: 2).

Совершенно очевидно, что пророк говорит не об обычном человеке, а о некоей особой Личности, происхождение Которой – *от дней вечных*. И действительно, Иисус родился в небольшом иудейском городке Вифлееме во времена царствования Ирода. Когда волхвы задали вопрос, где должен появиться на свет Царь Иудейский, Ирод собрал книжников и законников, которые сказали, что, на основании пророчества Михея, Он должен родиться именно там.

Рождество Иисуса ознаменовалось появлением на небе особой звезды, о которой в разное время говорилось очень и очень много. Например, немецкий математик, астроном, оптик и астролог Иоганн Кеплер (1571–1630), открывший законы движения небесных тел, вычислил, что именно в год рождения Христа должен был произойти так называемый парад планет. Он полагал, что именно их визуальное совмещение и породило эффект Вифлеемской звезды. Некоторые считали, что в таком виде явился Ангел Господень, другие

были уверены, что перед ними – специально сотворенная Богом звезда.

Истинная природа этого небесного явления нам по-прежнему неизвестна, что и не удивительно, ведь даже о Тунгусском метеорите ученые продолжают спорить до сих пор. Но о том, что такое чудо будет явлено миру, говорилось еще за пятнадцать веков до этого события. Причем повествовал об этом не иудейский пророк, а язычник Валаам, увидевший приближавшихся израильтян:

Говорит Валаам, сын Веоров, говорит муж с открытым оком, говорит слышащий слова Божии, имеющий ведение от Всевышнего, который видит видения Всемогущего, падает, но открыты очи его. Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля (Чис. 24: 15–17).

Это пророчество осуществилось через явление Вифлеемской звезды.

Царь Давид за тысячу лет до Рождества Богомладенца говорил:

Цари Фарсиса и островов поднесут Ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары (Пс. 71: 10).

Именно из тех мест, то есть из Персии, Аравии и Эфио-

пии, и пришли три волхва – Каспар, Мельхиор и Бальтазар. Они увидели Вифлеемскую звезду и поклонились Иисусу.

Ирод, незаконно завладевший царским скипетром, не знал, кто из вифлеемских младенцев – Христос, и потому отдал приказ убить их всех. Еще в VI веке до Рождества Христова это преступление было предвозвещено пророком Иеремией – современником вавилонского царя Навуходоносора. Иеремию называют пророком скорби, потому что он возвещал разрушение Иудеи. Предвидел он и другую катастрофу:

Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет (Иер. 31: 15).

Это – пророчество об избииении младенцев. Рахиль упомянута здесь в качестве праматери Израиля; она являет собой образ родины, собирательный образ матерей вифлеемских младенцев. Кстати, сама Рахиль тоже погребена в Вифлееме. Ее гробница сохранилась до наших дней.

Иисус, как известно, был Учителем и много проповедовал, а каждому проповеднику присущ особый стиль речи. Особенностью проповедей Иисуса было то, что Он предпочитал выражать Свои мысли притчами, которые люди должны были разгадывать сами. Об этом задолго до Пришествия Христова предвозвещал псалмопевец Давид:

Открою уста мои в притче и произнесу гадания из древности (Пс. 77-2).

Особенно важными для нас являются последние дни Иисуса перед Распятием, Его крестные муки и Воскресение. Пророки много говорили и об этом. Например, Захария, живший в V веке до Рождества Христова, говорит о Входе Господнем в Иерусалим, называемом у нас Вербным воскресеньем, так:

Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной (Зах. 9: 9).

Мыслимое ли дело, чтобы цари въезжали в свои столицы верхом на ослах? Но дело в том, что кони использовались иудеями только во время боевых действий. Ослы же служили им в качестве транспортных и выючных животных, причем преимущественно в мирное время. Христос же, как мы уже говорили, – Примиритель; Он пришел принести на землю мир, поэтому и въезжает в город не на коне, а на осле и ослице. Пророчество Захарии в точности исполняется в день Входа Господня в Иерусалим.

Что Христа ждет в Иерусалиме? Предательство. Один из

ближайших учеников, Иуда, предаст Его. Об этом пророчествовал еще псалмопевец Давид:

Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту (Пс. 40: 10).

Когда Иисус сказал двенадцати апостолам:

Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Мф. 26: 21), каждый из них спросил: Не я ли, Господи? (Мф. 26: 22).

И Христос ответил:

Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня (Мф. 26: 23).

Обмакнув хлеб, Он подал его Иуде, а тот, как и всякий иудей, знавший Псалтырь наизусть, тем не менее взял хлеб, исполнив, таким образом, страшное пророчество о себе.

Как известно, Иуда предал Христа за тридцать сребреников. Эта деталь тоже была предвозвещена пророком:

И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников (Зах. 11: 12).

Для христиан особенно важен Крест, важны страдания Христовы, возведенные царем Давидом. Он написал псалом 21 с такой силой и проникновенностью, как будто сам стоял на Голгофе и был непосредственным участником тех великих событий: *Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?* (Как мы знаем, эти слова Господь впоследствии произнесет на Кресте.) *Далеки от спасения моего слова вопля моего.* (Отец не спас тогда Своего Сына, Тот был распят и умер.) *Боже мой! я вопию днем* (Христос был распят именно днем), *– и Ты не внималши мне, ночью – и нет мне успокоения. Но Ты, Святыи, живешь среди славословий Израиля. На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавлял их; к Тебе зывали они, и были спасаемы; на Тебя уповали, и не оставались в стыде. Я же червь, а не человек* (действительно, Христа унижали и жестоко издевались над Ним), *поношение у людей и презрение в народе. Все видящие меня ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему.* (Мы знаем, что все это сбылось дословно: когда распинали Христа, проходившие мимо глумливо посмеивались: «Если Он угоден Богу, пусть сойдет с креста!») *Но Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей.* (Так появляется образ Божией Матери.) *На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты – Бог мой. Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет.* (И, действитель-

но, у Христа в тот день не оказалось помощников.) *Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий.* (Именно так выглядели первосвященник Каиафа² и воины Пилата³.) *Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной.* (Христос умер и был погребен.) *Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои.* (Римские воины пробili руки и ноги Христа, о чем свидетельствует Плащаница Христова.) *Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище.* (Пилат вывел Иисуса к народу, сказав: «Вот человек». На Его голову надели терновый венец и вложили в руку палку вместо царского жезла.) *Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий.* (Так и произо-

² *Каиафа* — первосвященник Иудеи с 18 по 37 год. Многократно упоминается в Евангелиях, а также в Деяниях апостолов. О нем упоминает и Иосиф Флавий, называющий его Иосифом, прозванным Каиафой.

³ *Понтий Пилат* — римский префект Иудеи с 26 по 36 год. Построил в Иерусалиме водопровод, однако в целом его правление ознаменовалось массовым насилием и казнями. Налоговый и политический гнет, провокационные действия Понтия Пилата, оскорблявшие верования и обычаи иудеев, вызывали народные волнения, беспощадно подавлявшиеся римлянами. По словам философа Филона Александрийского, жившего в I веке, Пилат несет персональную ответственность за бесчисленные жестокости и казни, совершенные безо всякого суда.

шло: одежды – это хитон⁴ Христов, тканый Его матерью, о котором бросили жребий, а ризы были разделены между воинами.) *Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою; спаси меня от пасти льва и от рогов единого рогов, услышав, избавь меня.*

Вот образ страданий Христа. Вот плачевная песнь, которая могла быть воспета только на Голгофе, хотя прозвучала за тысячу лет до нее...

А вот что писал живший в VIII веке до Рождества Христова пророк Исаия, которого иногда даже называют «ветхозаветным евангелистом»:

Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он вошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни (здесь уже не просто описываются некие грядущие события, а раскрывается их внутреннее, догматическое содержание), а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши (Иоанн Креститель скажет потом: Вот Агнец Божий,

⁴ Хитон (греч. χιτών – «одежда») – подобие льняной или шерстяной рубашки.

Который берет [на Себя] грех мира (Ин. 1: 29)) .наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. (Здесь едва ли не отчетливее, чем у евангелистов, говорится об искупительном значении смерти Христа, о том, что Он взял на Себя наши грехи. В самих Евангелиях эта мысль выражена не столь четко, впоследствии она будет развита апостолами.) Он истязуем был, но страдал добровольно (то есть Христос не просто «попал в беду», а страдал по Собственной воле, ведь у Него были все возможности избежать мучений), и не открывал уст Своих (известно молчание Христа на суде Каиафы и Пилата), как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят (действительно, после того, как ночью в Гефсиманском саду Христос был схвачен, Его заключили в узы. По сей день сохранилась темница, в которой Господь провел несколько ночных часов. Он и на самом деле был осужден), но род Его кто изъяснит? (И в самом деле, род Христа – это мировая загадка.) Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями (Христос был распят вместе с двумя разбойниками. По обычаю тела казненных преступников сбрасывали на посрамление с Голгофы – с крутого холма. Со стороны Иерусалима он достаточно пологий, и на него легко можно подняться, а с другой

стороны резко обрывается. Именно такая участь и ожидала Христа), *но Он погребен у богатого* (Иосиф Аримафейский, один из богатейших людей Иерусалима, успел договориться с Пилатом о том, чтобы снять Тело Христово и предать Его погребению в новом гробе – пещере, купленной заранее, которая находилась рядом, в саду), *потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же дуга Его принесет жертву умилоствления, Он узрит потомство долговечное* (имеется в виду род христианский), *и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу* (действительно, христианство «получило часть между великими и сильными», сделавшись самым значительным явлением мировой истории) – *за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем* (Ис. 53: 1-12).

Так были предвозвещены страдания Христовы. Но говорится ли в пророчествах о Его Воскресении? Царь Давид произносит слова, казавшиеся его современникам совершенно загадочными:

Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому

Твоему увидеть тление (Пс. 15: 10).

Покажите душу, вышедшую из ада, покажите человека, который не увидел бы тления! Речь может идти только о Том, Кто воскрес из мертвых. Это Его душа спускалась в ад, но не осталась в нем, это Он вкусил горечь смерти, но не познал тления. Псалмопевец прямо говорит:

Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек (Пс. 15: 11).

У кого может быть *путь жизни* после погребения? Только у Христа. И это – далеко не все пророчества...

Впрочем, и другие народы непрестанно ожидали Господа. Например, в четвертой эклоге «Буколик» римского поэта Вергилия, родившегося в 70 году до Рождества Христова, повествуется о том, что должен родиться Ребенок, Который изменит течение жизни на земле и принесет с Собой «Золотой век»:

«Уже является последний век Сивиллы Кумейской. Снова начинается круговорот веков. Возвращается царство Сатурна, и новое поколение нисходит с неба на землю. Обозри громаду вселенной и посмотри, как все радуется имеющему наступить отрадному веку. Под твоим покровом изгладится всякий след нашего преступления (догматический смысл христианской веры как раз и состоит в том, что Христос бе-

рет на Себя все наши грехи), и земля освободится от вечных тревог».

Рим, всегда мечтавший о земной власти и неустанно утверждавший великую Империю, в данном случае ожидает совершенно иного. Императоров и полководцев у них и самих хватало. А вот кто окажется в силах изгладить всякий след совершенного преступления, кто освободит от вечных тревог? Это пророчество со всей очевидностью исполнилось во Христе. На I Вселенском соборе, состоявшемся в 325 году, император Константин I Великий (272–337) приводил строки Вергилия в качестве доказательства божественности Иисуса.

Римский историк Тацит, родившийся в 56 году после Рождества Христова, сообщает: «Многие верили древним свидетельствам жрецов, что в это самое время Восток приобретает новые силы, что имеющий прийти из Иудеи сделается властителем мира».

Как мог Рим ждать, чтобы из какой-то захолустной иудейской провинции, которую Помпей покорил в 63 году до Рождества Христова, присоединив к Риму, кто-то придет и сделается властителем мира? Ведь власть – безусловная прерогатива Рима! Тем не менее это событие недвусмысленно предрекали жрецы...

Римский писатель и историк Гай Светоний Транквилл, живший между 75 и 160 годами, пишет: «По всему Востоку распространено древнее и твердое мнение, будто судьбою

определено, что в тогдашнее время из Иудеи должны выйти те, которые приобретут себе владычество над миром». Это свидетельство похоже на предыдущее; возможно, оба они восходят к одним и тем же истокам. Из Иудеи вышли апостолы и приобрели мир, покорив его Благой Вестью о Христе.

Волхвы – Каспар, Мельхиор и Бальтазар, увидев звезду, пришли поклониться новорожденному иудейскому Царю. Однако в мире рождалось немало царей. Во имя чего же они преодолевали столь долгий и полный лишений и опасностей путь через безжизненную пустыню? Они ожидали совершенно иного, особенного Царя. Возможно, им было известно Валаамово пророчество.

В Священном Писании мы не найдем ни одного упоминания о Китае, в отличие от Индии, о которой речь все же заходит, хотя и косвенно. Однако китайское предание повествует об ожидании явления Великого Святого, пришествие Которого было предсказано древними мудрецами. Из Китая было даже отправлено специальное посольство для поклонения явившемуся Спасителю.

Грузия в те времена была языческой землей, которую населяли кавказские горцы. Согласно местному преданию, на Рождество они слышали слова, раздавшиеся из уст идола Армаза: «Новорожденный затмит меня светом Своим».

Итак, мы видим, что ожидание Христа было действительно всемирным, так же как и предвозвещения о Нем. Если же вернуться к иудеям, то они ждали

Мессию⁵, священника почину Мелхиседека (Пс. 109: 4). По возвращении Авраама с отбитыми у четырех побежденных восточных царей пленниками и имуществом Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога Всевышнего (Быт. 14: 18). Он не приносил в жертву животных и поклонялся Единому Богу. Этот ветхозаветный прообраз осуществился во Христе. Именно христианство прекратило жертвоприношение животных, и Христос является иереем по чину Мелхиседека.

Исаия в четырех песнях воспеваает «Раба» и «Отрока» и пророчествует о том, что придет некий «Раб Господень», «Раб Яхве», и полностью процитированная нами глава 53 его книги – одна из этих песен. У Даниила и у позднейших иудейских пророков, а затем и в иудейских апокрифах⁶ отчетливо просматривается образ «Сына Человеческого», «Небесного Человека», Который придет с Ангелами, причем Его последователи окажутся бедняками. То есть речь отнюдь не шла о «царстве всеобщего благоденствия».

Христос же недвусмысленно возвещал: *Блаженны нищие*

⁵ Мессия (от ивр. מָשִׁיחַ («Машиах»)) – «Помазанник». Помазание оливковым маслом (елеем) составляло часть церемонии, проводившейся при возведении царей на престол и посвящении священников в сан. В иудаизме слово «Машиах» иносказательно означает «Царь». Согласно иудейским верованиям, идеальный царь, потомок царя Давида, будет послан Богом для того, чтобы осуществить духовное и физическое избавление народа Израиля.

⁶ Апокрифы (от древнегреч. ἀποκρύφος – «скрытый», «сокровенный», «секретный») – неканонизированные произведения позднеиудейской и раннехристианской литературы.

духом (Мф. 5: 3).

Ветхозаветные пророки неоднократно упоминают об «остатке Израиля». Иными словами, несмотря на то, что израильский народ был богоизбранным, спастись удастся лишь некоторому его «остатку». Этим «остатком» и являются люди, принявшие Христа.

Существует много пророчеств о «Дне Яхве», то есть о Дне Суда Господня, о котором говорит и Спаситель. Иезекииль и Иеремия напрямую возвещают, что не всегда пребудет Завет, полученный народом через Моисея. Придет Христос, Который скажет: *Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов* (Мф. 26: 28) – и принесет на землю Новый Завет.

Когда началась проповедь о Христе, пророческий аргумент был одним из основных, он действительно поражал и убеждал слушателей. Если об этом человеке столько было сказано и все исполнилось с такой точностью, значит, Он действительно есть то, что о Нем говорят, то, что Он Сам о Себе говорит. Христос пророческий является основанием веры во Христа исторического, реального, Который действительно пришел и Которому мы поклоняемся, Которого исповедуем и в Которого веруем. Эти пророчества сделались движущей силой истории, превращая бессмысленный круговорот времен в осмысленное движение.

Впрочем, наши современники опять пребывают в растерянности. Громогласно обещанное «светлое будущее» ныне

вызывает лишь горькую усмешку.

Европейское, российское и американское общества сегодня идут «в никуда», не ожидая впереди ничего хорошего. Мы живем «просто так», «просто пока живется», стремясь урвать от жизни как можно больше. Это – страшная, разрушительная позиция, красноречиво свидетельствующая о том, что за душой у человека, по сути, ничего не осталось, а высокие цели – утрачены...

Ветхозаветные пророчества придавали смысл всему происходившему – всем, казалось бы, бессмысленным и кровопролитным, жестоким войнам; всем смертям, рождениям, всем стремлениям и делам человеческим. Все приобретало истинный смысл во Христе, без Которого человеческое общество уподобилось бы муравейнику.

Христос в библейских символах

Миру, в котором мы живем, присуща немаловажная особенность: все в нем когда-то кем-то сотворено. А творение всегда неизбежно несет на себе отпечаток личности творца, будь то стихотворение, картина или здание. По сотворенному можно судить о творце, более того, сотворенное является в некотором смысле его «визитной карточкой». Как Христос жил в ветхозаветных пророчествах задолго до того, как пришел на землю, так живет Он и ныне во всем окружающем нас мире. Богословы говорят о «иконичности мира», подразумевая под этим, что мир – большая икона Божия.

Сейчас мы рассуждаем не просто о Творце – Всевышнем и Всемогущем Боге, а именно о Христе, и оказывается, что этот мир отражает Христа очень многообразно. Апостол Павел пишет:

Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит (Кол. 1: 16–17).

Таким образом, мир несет на себе Его отпечаток и является знаком, символом Христа.

Что же такое «символ»? Греческое слово *οὐρανόθεν*

означает «связываю», «согласую» и восходит к античным Олимпийским играм. Всем бежавшим на ристалище выдавались белые каменные пластинки-символы. Прибегавший первым протягивал пластинку судье. Тот разламывал ее на две части, одну из которых оставлял себе, а другую возвращал спортсмену. Естественный излом всегда представляет собой причудливую кривую, подделать которую практически невозможно. Когда подводились итоги соревнований, соперники подходили к судье. Победителем признавался тот, чья половинка пластинки полностью подходила к половинке, оставшейся у судьи. Ныне мы широко используем это понятие.

Творение Божие отражает Христа на всех уровнях бытия. Об этом часто рассуждают философы; об этом многократно свидетельствует Священное Писание. Мысленно пройдемся по лестнице тварного бытия от самой низшей до самой высшей его ступени и рассмотрим на каждой из них символы Христовы. Мы покажем, что как одна половинка таблички по линии разлома подходит к другой, так и наш мир полностью подходит ко Христу.

Итак, низшая ступень нашего мироздания – мир материальный. Уже в нем мы находим множество символов Христа. Материальный мир молчит, он не думает, ничего не ощущает и, казалось бы, ни к чему не стремится. Это – мир камней и минералов, движущихся атомов и молекул и кристаллических решеток. Тем не менее и он несет на себе отражение

Христово. Поговорим о значении библейских символов.

Символ камня. Беседуя с фарисеями, бывшими в те времена религиозными вождями еврейского народа, которые должны были бы первыми принять Иисуса, Он цитирует псалом царя Давида⁷:

Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла. Это от Господа и есть дивно в очах наших (Мф. 21:42).

Об этом же говорит и апостол Петр:

Сказано в Писании: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится. Итак, Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, о который они претываются, не покоряясь слову, на что они и оставлены (1 Петр. 2: 6–8).

Каково же назначение краеугольного камня? Если под разные стены заложены различные каменные основания, то, какими бы крепкими они ни были, стены рано или поздно разойдутся в стороны. Но если постройка покоится на едином монолите, она непременно устоит, ибо *Он есть мир наш*

⁷ См. Пс. 117: 22.

(Еф. 2: 14). Он соединяет Собой то, что в этом мире всегда расходится.

О том же, только еще определеннее, повествуется в притче о злых виноградарях, в которой сказано, что виноградник будет отнят у одних работников и передан другим. Речь здесь идет об иудеях и язычниках, и мы сталкиваемся все с тем же пресловутым «еврейским вопросом», который никогда не исчезал и никогда и никуда не исчезнет: он существовал всегда, со времен Авраамовых, и будет существовать до скончания века. Здесь пролегла глубинная трещина между богоизбранностью одного народа, с одной стороны, и множеством языческих племен – с другой.

Христос же, называя Себя Мессией Израиля, при этом благословляет Своих учеников:

Идише, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам (Мф. 28: 19–20).

При этом обращаемым вовсе не обязательно было совершать обрезание и приобщаться к иудейской вере. Таким образом, Христос как Мессия Израиля, Христос как Учитель, пославший учеников ко всем языческим народам, являет Собой Краеугольный Камень.

Разумеется, в Евангелии речь идет, прежде всего, об иудеях и эллинах, но это же сравнение можно смело использо-

вать по отношению к мужьям и женам, к богатым и бедным, к интеллектуалам и простецам – к кому угодно, ведь в мире все постоянно расходятся, даже самые близкие и родные люди. Именно поэтому всем нам жизненно необходим краеугольный камень, на котором станут двое *и будут одна плоть* (Быт. 2: 24). Просто двух человек для этого оказывается недостаточно: сами по себе они никогда не станут единой плотью, – рано или поздно их чувства охладят, и они либо разойдутся в разные стороны, либо превратят свою жизнь в мучительное терпение друг друга. Для того чтобы такого не случилось, двоим нужно не просто соединяться друг с другом, но основывать свое единение на одном камне – на Христе. В этом случае уже ничто не сможет их разделить.

Образ жемчужины. Жемчуг – изысканное, драгоценное украшение. Христос говорит:

Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имеет, и купил ее (Мф. 13:45–46).

Так и наша душа отправляется в мир за драгоценными жемчужинами. Всем нам необходимы пища и одежда, но всем хочется и чего-то высшего. Душа это высшее ищет и, наконец, находит. Это – Христос, пребывающий в Святой Церкви Божией.

Для того чтобы стяжать сокровище, нам надо оставить все. Случается так, что мы хотим приобрести эту жемчужину в придачу к остальным своим драгоценностям, так сказать, «для коллекции». У нас немало всяческих идеалов и ценностей, но и Христос не помешает, лишним не будет... Но Господь говорит, что придется пойти и продать все, что имеем, – по-другому не получится. В этом смысле Христос неудобен и труднодоступен, но иначе мы никогда не станем владельцами этой жемчужины, она всегда будет для нас недосыгаема.

Утренняя звезда. Так часто называют планету Венера, особенно прекрасную по утрам, когда уже погасли все звезды. В предрассветном сумраке она одна сияет на темно-голубом фоне. Появление на небосклоне утренней звезды предвещает скорый восход солнца, наступление нового дня. Ночь, хотя еще и не ушла совсем, уже бессильна – наступает нечто новое. Утренняя звезда – это символ надежды, бодрости, свежести чувств, волнения души и сердца. Апостол Петр пишет:

Мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших (2 Петр. 1: 19).

Сам Христос говорит о Себе:

Я Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя (Откр. 22: 16).

Еще глубок сумрак окружающей нас ночи, еще столько непобежденных грехов и страстей бушуют в наших душах, мы так не нравимся сами себе, так боимся всего в этой жизни... Но уже загорается утренняя звезда, уже Христос появляется в небе, Он – звезда светлая и утренняя!

Задумаемся, в чем состоит принципиальное различие между астрологией и богословием? Астролог будет гадать, что может означать взаимное расположение тех или иных планет и созвездий, и сочтет, например, что сегодня затевать новые дела не стоит: лучше посидеть дома, – или, наоборот, сегодняшний день чрезвычайно удачен для разного рода предприятий. Мы, верующие, считаем все это совершеннейшей нелепостью. Но мы смотрим на планету, называемую утренней звездой, и в ней, как в некоей призме, видим образ, символ, знак Христа, восходящего в нашем сердце.

За звездой следует **солнце** – следующий материальный образ Христа. Еще ветхозаветный пророк Малахия утверждал:

А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и възыг-

раете, как тельцы упитанные; и будете попираť нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших в тот день, который Я соделаю, говорит Господь Саваоф (Мал. 4: 2–3).

Но это обетование адресовано лишь благоговеющим пред именем Господа. А что же ждет не благоговеющих? Им уготована ночь – долгая-долгая, темная-темная... Если над сердцем человеческим довлеют цинизм и кощунство, если нет в нем искренности и обращенности к Небу, он никогда ничего не увидит. Для него и днем будет царить беспросветная ночь, когда для других взойдет Солнце Правды. Оно не только веселит и вдохновляет, но и исцеляет. Пришел Христос, и в Его лучах мы нашли исцеление.

О Христе сказано, что Он есть *Крестящий Духом Святым* (Ин. 1: 33). Это и есть лучи солнца. Действительно, в Духе Святом, Которым крестит нас Христос, исцеляются наши души, и мы выходим и играем, по слову пророка, *как тельцы упитанные*. Как телята играют, резвятся и веселятся, так же резвится и веселится душа человеческая, исцеляясь в лучах этого солнца.

Таковы некоторые символы, относящиеся к неживой материи. Теперь мы оставляем ее и восходим на иную ступень, поднимаемся на уровень растительного мира. В этом мире появляется жизнь, возникает внутреннее движение. В растительном мире появляется питательная сила. Здесь также

можно встретить немало глубоких образов.

Первый евангельский образ – **хлеб**. Христос говорит:

Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда (Ин. 6: 35).

В «Дидахё»⁸ говорится о том, как зерна из разных пшеничных колосьев собираются вместе. Эти зерна вызревали в различных местах, каждое из них неповторимо, они ничем не связаны, но вот их перемалывают, и получается мука. Затем из муки замешивают тесто и пекут его в печи. Так получается хлеб. Кто сможет отделить в хлебе одно зерно от другого? Все здесь едино.

Хлеб – это питание, основа бытия. И Христос называет Себя Хлебом Жизни. Он питает нас, и мы не будем больше алкать, то есть не захотим есть. Если будем иметь этот Хлеб, нам уже не понадобится ничего иного. Он есть Колос, Злак, произросший от долин земных. Сам Господь говорит:

Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4: 4).

⁸ *Дидахё*, «Учение Господа народам чрез 12 апостолов» (греч. Διδαχὴ Κυρίου διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων) – наиболее ранний (конец I – начало II века) из известных памятников христианской письменности катехизического характера; памятник церковного права и богослужения.

Мы питаемся, читая Священное Писание. Христианин обращается к Библии каждый день. Мы делаем это не для того, чтобы почерпнуть новую информацию. Газеты и книги, включая даже богословские, не перечитываются без конца, тогда как Библия читается ежедневно. Некоторые говорят:

– Я уже читал Евангелие!

– Когда?

– Лет пять тому назад...

– Неужели же, если ты ел хлеб пять лет тому назад, ты в нем более не нуждаешься?

Некоторые библейские тексты мы помним наизусть, но все равно перечитываем Священное Писание вновь и вновь и тем питаем свою душу.

Другой вид этого хлеба – Хлеб сакральный, евхаристический, Хлеб Причастия, который, освящаясь, становится Телом Христовым. Всякий христианин приступает к этому Хлебу Жизни. Какое действие производит хлеб? Еще псалмопевец Давид говорил: *...хлеб... укрепляет сердце человека* (Пс. 103:15). Это проявляется даже в физическом смысле: защемило сердце, поел – и полегчало.

Нечто подобное происходит и в духовной жизни. Мы молимся: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Возможно, при этом мы думаем только о простом, привычном для всех нас хлебе, но святые отцы толкуют это место Молитвы Господней, прежде всего, как моление о Хлебе Причастия. Ведь именно Христос, истинный Хлеб Жизни, укрепляет на-

ше сердце.

Другой библейский образ – **виноградная лоза**.

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь (Ин. 15: 1), —

говорит Христос. Итак, Отец Небесный – виноградарь, Христос – истинная виноградная лоза, а что означает вино и насколько оно необходимо? Ведь жаждущий вполне может выпить и воды. Однако псалмопевец подчеркивает: ...*вино... веселит сердце человека*(Пс. 103:15). Действительно, человеку нужно не только утолить голод и жажду. Он нуждается в радости.

Христос – истинная виноградная лоза. Первое чудо, которое Он сотворил на земле, – превратил воду в вино, то есть пресноту и скуку земной суеты превратил в радость и крепость вина Царствия Божия. Вино – это любовь, веселие сердечное. И наконец, вино – это Кровь Христова. На Тайной Вечере Господь говорит: *Сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается* (Лк. 22:20). Нигде мы не приобщаемся этому Божественному Вину так действительно, как в Святой Евхаристии. Христос пришел принести нам радость и веселие, и главная христианская книга называется Евангелием (εὐαγγέλιον), что в переводе с греческого означает Благая, или Радостная, Весть. Христос поит нас вином

для того, чтобы мы обрели радость вечную, от которой не остается горького послевкусия, радость, которую никто не сможет у нас отнять.

Огородники выращивают овощи, землепашцы сеют пшеницу и другие злаки, садовники снабжают нас фруктами, но есть и те, кто заботливо пестуют **цветы**. В Библии мы встречаем и такой образ Христа: *Я нарцисс Саропский, лилия долины!* (Песн. 2: 1). Разумеется, нам необходим краеугольный камень для основания, конечно, все мы нуждаемся в питании. А цветы нам даны для радости, они символизируют красоту Царства Божия!

У Владимира Солоухина есть рассказ о том, как заблудилась девочка. Уже вечереет, и вдруг она видит силуэт приближающегося мужчины и еще больше пугается. Однако вдруг девочка замечает, что в руках у незнакомца – цветы, и сразу же успокаивается, потому что человек, несущий цветы, зла принести не может. Христос и есть этот Цветок, Он есть Нарцисс и Лилия, неизреченная Красота и Радость. Нарцисс – цветок царский, а лилия – символ непорочности и чистоты душевной.

Мы говорили о растительном мире, поговорим теперь о мире животном. К этому миру относятся все имеющие душу, то есть существа, к которым в русском языке применимо вопросительное местоимение «кто», а не «что». Как известно, животные населяют сушу, плавают в реках и морях и парят в воздухе. Мысленно опустившись под воду, мы увидим мно-

жество рыб. **Рыба** – излюбленный раннехристианский символ Господа и даже своего рода пароль христиан первых веков.

Во времена жесточайших гонений опасно было признаваться кому-либо в своем христианстве. Догадываясь, что перед ним – единоведец, человек брал в руку палочку и, как будто ненароком, рисовал на песке рыбу. Если собеседник протягивал руку и говорил: «Христос посреди нас!», то первый отвечал: «И есть, и будет!» Так христиане открывались друг другу.

Почему именно рыба стала символом ранних христиан? Иудеи и вышедшие из Иудеи христиане увлекались кодировками. Греческое слово $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ («ихтис», то есть «рыба») расшифровывается так: ι – Иисус; χ – Христос; θ ($\theta\epsilon\omicron\upsilon$) – Божий; υ ($\upsilon\iota\omicron\varsigma$) – Сын; ς ($\sigma\omega\tau\acute{\eta}\rho$) – Спаситель.

Среди животных, обитающих на земле, пожалуй, наиболее ярко Господа символизирует ягненок, или, по-славянски, **агнец**. Иоанн Креститель указывает на Христа и говорит своим ученикам:

Вот Агнец Божий, Который берет Гна Себя] грех мира (Ин. 1:29).

В древности именно ягнята чаще всего приносились правоверными иудеями в жертву за грехи, а также в жертву благодарственную. Теперь пришел черед иной жертвы: Христос,

Божий Агнец, взял на Себя грехи мира и за них был распят на Кресте, то есть совершил жертву искупительную. Мы подражаем Христу, поэтому Он напутствует нас:

Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков (Лк. 10:3).

Казалось бы, какой пастух пошлет своих овец в волчью стаю? Но так поступил Христос, Добрый Пастырь. Он послал овец к волкам, и что же получилось? Сначала, на протяжении трех веков кровопролитных гонений на христиан, волки, как и положено хищникам, безжалостно задирали овец, но в конце концов были ими покорены, захлебнувшись в христианской крови. И вот уже римский император Константин принимает Христа, и империя становится христианской. Ягнята победили волков.

Агнец – образ истинного христианина. Христиане не должны подражать волкам; волк – символ совершенно иной силы – темной и демонической.

Один из двадцати четырех таинственных старцев Апокалипсиса, окружающих престол, называет Христа **львом**, то есть царем зверей. Любопытный контраст: только что речь шла об агнце, а теперь – о льве...

Старец говорит тайновидцу, апостолу Иоанну, скорбящему о книге за семью печатями, которую никто не может распечатать: *Не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, Давидов победил, [и может] раскрыть сию книгу и снять*

семь печатей ее (Откр. 5: 5). Почему Христос назван «львом от колена Иудина»? Эти слова – прямая отсылка к ветхозаветному пророчеству, произнесенному за восемнадцать веков до Пришествия Христа на землю:

Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается (Быт. 49: 8–9).

Лев – образ царственного животного, а Христос является царем Церкви и всего мироздания.

Еще одно сравнение – **телец**, который, так же как и агнец, символизирует собой жертвенное начало. В Евангелии говорится о том, что, когда блудный сын возвратился домой, его отец повелел:

Приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и найден (Лк. 15: 23–24).

Нравственный смысл притчи о блудном сыне всем понятен, но в ней заключен и символический, таинственный смысл. Теленок, которого отец велит заколоть, – образ Христа, Закланного Тельца. И вся эта трапеза – образ Евхаристии, во время которой мы вкушаем жертву, принесенную за наши грехи. В Апокалипсисе тайнозрителю также показываются четыре таинственных животных, одно из которых – телец.

Мы перечислили образы животных, живущих на земле. Подняв глаза к небу, мы видим птиц, и среди них царя птиц – орла. Еще один символ Христа – **орел летящий**. Об этом говорится в четвертой и пятой главах Откровения Иоанна Богослова: одно из четырех животных было *подобно орлу летящему* (Откр. 4: 7). Это сравнение подчеркивает высоту Христа, парящего над этой землей и покрывающего ее Своими крыльями.

Орлы способны смотреть на солнце не мигая, а Христос может воспринимать Божественную славу такой, какая она есть, что недоступно никому из сотворенных, даже величайшим из пророков. Провожая взором летящих птиц, мы видим, насколько величествен их полет. Дух захватывает...

Ранние христиане почитали и небиблейский символ Христа – птицу Феникс, возрождающуюся в собственном пепле. Феникс олицетворяет одновременно и смерть, и воскресение.

Далее следует мир людей. Одно из уже упомянутых четырех апокалипсических существ имело человеческое лицо. В четвертой главе Откровения **человек** сам по себе уже является образом Христа. Человек сотворен по образу и подобию Божию, и святые отцы полагали, что не потому Христос стал именно таким, что мы таковы, а мы таковы потому, что Христу надлежало воплотиться таким образом. Таинство Боговоплощения было определено предвечно не только ради нашего спасения, чтобы мы не погибли, но и для Боявления.

О Господе сказано: *Се, Человек!* (Ин. 19: 5), то есть вот истинный человек, такой, каким он должен быть на самом деле! Христос часто именуется Сыном Человеческим.

Второй образ – пастух, или, по-славянски, **пастырь**. Иногда мы забываем прямой смысл того слова, которым привыкли называть батюшек. Пастырь – человек, пасущий овец. Христос говорит о Себе:

Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец (Ин. 10: 11).

Иконостас енисейского Успенского храма включает в себя очень необычную икону. Как правило, иконы статичны, они не передают движений, которые должны домысливаться молящимися. На этом же образе изображена овчарня, раскинувшийся вдалеке город и момент нападения волков на овец. Пастух в стремительном порыве посохом отгоняет волков, бьет их и заслоняет собой дверь в овчарню. Овцы в это время пробегают во двор. Это то, что сделал Христос. Торжественный белый омофор, лежащий на плечах епископа во время богослужения, означает заблудшую овцу, которую Пастырь Добрый несет на Своих плечах домой.

Пастушок, несущий на плечах овечку, – излюбленный раннехристианский символ. Дело в том, что в те времена Лик Господень на иконах еще не изображали.

Образ **царя**. Святой апостол Павел называет Христа Ца-

рем царствующих и Господом господствующих⁹. Первая половина псалма 44 полностью посвящена царю, а вторая – царице:

Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой – трость скорписца (Пс. 44: 2).

Далее описывается этот Царь, который прекраснее всех сынов человеческих. В образе прекрасного и юного царя изображается Христос, Который пришел утвердить Свое Царство.

Священник. *Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109:4). Праотец Авраам в Салиме, будущем Иерусалиме, на Сионской горе был встречен неким таинственным священником, который вышел с хлебом и вином и благословил Авраама. Священство Христа – по образу этого священника, принесшего хлеб и вино, а не по образу ветхозаветных коэнов¹⁰ и левитов¹¹, приносивших в жертву животных.

Все происходившее на Голгофе есть жертвоприношение,

⁹ См. Тим. 6: 15.

¹⁰ *Коэны*, или *кохёны* (ивр. כהן) – еврейское сословие священнослужителей из рода потомков Аарона.

¹¹ *Левиты* (от ивр. לוי – «Леви») – часть евреев, представители колена Левия. Левиты составляли почетную храмовую стражу, охраняли порядок при богослужении, руководили народом при жертвоприношениях, были музыкантами, пели псалмы и традиционно занимались обучением народа закону Торы.

но Христос – одновременно и Приносящий, и Приносимый; Он и Священник, и Жертва одновременно. Такова тайна Христова.

Христос – еще и **Сеятель**. Вспомним евангельскую притчу:

Вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать (Мф. 13: 3–8).

Древним христианам был близок и удивительный образ **Орфея**, привнесенный из греческой мифологии. Орфей – прекрасный юноша, певец и музыкант. Его игра была столь пленительной, что при первых же звуках хищные звери становились кроткими, как домашние животные. Ранние христиане видели в Орфее символ Христа. Господь и Его учение подобны музыке Орфея, которая покоряет сердца диких хищников, то есть людей, свирепствующих своими грехами. Все наши бурные греховные страсти успокаиваются, а сами мы укрощаемся...

Но и человеческий мир – отнюдь не венец мироздания;

можно сделать мысленный шаг и в мир ангельский. Христиане порой почти обожествляют Ангелов. Так это видится отсюда, снизу, с нашей земли, а в мире ангельском все выглядит несколько иначе. Солдатам кажется, что генерал – это нечто заоблачное, недостижимое, а сами генералы видят, что не многим отличаются от рядовых: ведут ту же армейскую жизнь, хотя и протекает она на несколько ином уровне. Так и Ангелы: это другой уровень все того же тварного мира.

В ангельском мире мы тоже можем найти образы Христа:

Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф (Мал. 3: 1).

Ангел Завета. В переводе на русский греческое слово ἄγγελος означает «вестник», «посланник». Христос – Вестник, и само слово «Евангелие», как мы уже отметили, означает «Благая Весть». Но кто ее принес? Апостол Павел в Послании к Евреям подчеркивает, что это сделал не Ангел, а Сын Божий, Сам Христос. Он и есть Истинный Вестник, а Ангелы – служебные духи, посылаемые на помощь спасаемым, то есть людям. Ангел Завета, то есть Вестник Нового Завета, – это Христос.

Итак, мы видим, что на всех ступенях тварного мира – и в неживой материи, и в растительном, и в животном, и в че-

ловеческом, и в ангельском мирах – повсюду можно узреть образ Христа. Весь мир проповедует Господа, Который говорит: *Если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19: 40), то есть, если бы у нас не было пророческих вестей, заговорила бы сама природа. И она говорит!

Апостол Павел пишет:

Что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (Рим. 1: 19–20).

Само творение свидетельствует о силе и славе Божией. Более того, оно свидетельствует о Христе. Мы уже говорили о том, что все пророки направляли человеческую историю ко Христу, но следует помнить и о том, что вся природа христоцентрична, она вся представляет собой образ Божий. В мире природы все «стыкуется» с Христом, как две части разломанной дощечки, лишь мы по своей греховности зачастую не «стыкуемся» с Тем, по Чьему образу сотворены...

Все виды человеческой деятельности – Божии, но только во Христе они обретают истинный смысл. Что представляет собой символ сам по себе? Всего лишь значок. Визитная карточка и человек, чье имя на ней написано, отнюдь не одно и то же. Природа без Христа по сути своей – ничто. Весь мир обретает смысл только в Нем.

Нередко Христос именуется Логосом¹². Святой Максим Исповедник (580–662) говорил, что распознавание логоса каждой вещи – и есть истинная логика мира. Действительно, мы занимаемся наукой, исследуем окружающий мир, но каждый при этом изучает какую-то его часть: физик – движение, плотность и цвет вещества, химик – его состав и так далее. Но сами по себе науки изучают лишь символы, знаки. А что эти знаки обозначают? Максим Исповедник призывает к распознаванию того, что означает символ. Через физику, через химию, через психологию мы должны прийти к познанию первооснов, к самим логосам бытия, а не просто довольствоваться внешним, поверхностным описанием мира. Астроном может всю жизнь изучать Венеру, но надо увидеть в ней еще и утреннюю звезду, надо взойти к Самому Христу. Символика – и есть путь истинного познания мира, ведущий к его Логосу, то есть ко Христу.

¹² *Λογος* (греч. λόγος) – богословский и философский термин, означающий «слово», «предложение», «высказывание», «речь», а также «мысль», «намерение», «причину» и «повод».

Христос – Сын Человеческий

О Рождении Сына Человеческого

Читая «Символ Веры», мы произносим: «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечившагося». Именно воплотившегося и вочеловечившегося Христа исповедует Православная Церковь. Сын Человеческий – то есть человек. Восприятие Христа как Личности мифической, возникшее сначала у представителя так называемой Тюбингенской богословской школы Бруно Бауэра (1809–1882), а впоследствии перенятое марксистами, было для абсолютного большинства людей совершенно неожиданным. Ведь, согласно этой точке зрения, такой человек вообще никогда не жил на земле...

Когда Понтий Пилат вывел Христа к народу в ту Великую, страшную пятницу, он сказал о Нем: *Се, человек!* (Ин. 19: 5). О чем думал Пилат, произнося эти ставшие знаменитыми слова? Христос как Сын

Человеческий открывается нам уже в Своем рождении, о чем и говорится в «Символе Веры». Жизнь всякого человека начинается с рождения, и Христос, как Истинный Сын Человеческий, не сошел с Небес каким-то таинственным обра-

зом, а родился по общему закону естества. В Евангелии говорится: *И Слово стало плотью* (Ин. 1: 14).

Это – фундаментальное изречение. «Плоть» в данном случае означает «человек», означает то, что Слово приняло истинную человеческую природу. Собственно, воплощение Слова произошло не при рождении, а ранее, в день Благовещения. В Назарете, на месте жилища праведного Иосифа и Девы Марии сегодня стоит величественный католический храм. Внутри, на полу, расположена большая серебряная звезда с надписью: «Здесь Слово стало плотью».

Невозможно стоять на этом месте без внутреннего трепета. Ведь жизнь всякого человека начинается не в момент его рождения, а в момент зачатия, когда появляется первая клетка, в которую уже заложено все связанное с нашей природой. Согласно пониманию святых отцов, тело, то есть плоть Иисуса, Сына Человеческого, взята была от Девы. Зачатие произошло безучастия мужского семени, потому что Иосиф Обручник, будучи по закону мужем Марии, не являлся по плоти Ее супругом и отцом Христа. Это побудило многих иудеев к кощунственной мысли о том, что Дева Мария родила Христа блудно.

Действительно, руководствуясь здравым смыслом, ничего иного нельзя было и предположить.

Здесь мы сталкиваемся с великой тайной, в которую надо уверовать, которую надо принять.

Тело Сына Человеческого было взято от плоти и крови

Богоматери. Для нас, православных христиан, это вещь самоочевидная. Апостол Павел пишет:

Первый человек (то есть Адам. – Г. Ф.) – из земли, перстный (персть – то есть прах, пыль земная. – Г.Ф.), второй человек – Господь с неба (1 Кор. 15:47).

Основываясь на этих словах апостола, авторитетный учитель того времени, друг святителя Василия Великого (ок. 330–379) Аполлинарий¹³ еще в IV веке разработал учение, согласно которому Тело Иисуса Христа сошло с неба, а Дева Мария стала лишь тем сосудом, через который оно пришло в мир, то есть человеческое Тело Христа не произошло от Девы Марии.

Спустя тысячелетие это учение отозвалось в работах протестантского теолога Менно Симонса¹⁴, тем более что протестантизм изначально отвергал почитание Девы Марии как Божией Матери, но было отвергнуто Церковью как ересь. Но как же в таком случае толковать слова апостола Павла? Отец

III Вселенского собора, состоявшегося в 431 году, святитель Кирилл Александрийский (376–444), рассматривавший эти вопросы в то время, когда было утверждено истинное

¹³ *Аполлинарий Лаодикийский* (ок. 310 – ок. 390) – епископ Лаодикийский в Сирии, богослов, один из самых непримиримых противников арианства.

¹⁴ *Симонс Менно* (ок. 1496–1561) – лидер анабаптистского движения в Нидерландах в XVI веке. Его последователи впоследствии стали известны под именем меннонитов.

православное учение о Деве Марии как о Богородице, объяснял их таким образом: Господь с Неба – это Предвечное Слово, пришедшее с небес, а в утробе Девической оно воплотилось, взяв от Девы ее Плоть.

Это учение и является истинно православным, иначе Христос действительно был бы вторым Адамом, но вторым уже в том смысле, что вообще был бы не от нас, происходил бы не из рода человеческого. Не было бы никакого родословия Иисуса Христа, речь шла бы уже о некоем «другом человеке», к человечеству никакого отношения не имеющем.

Святые отцы Церкви считали чрезвычайно важным подчеркнуть, что Господь Иисус Христос – именно от нашего рода! Православная вера возвышает Деву Марию как истинную Мать истинного Сына Человеческого, и икона Божией Матери с Богомладенцем на руках приобретает богословский догматический смысл, став любимой иконой всех православных христиан.

Существовала и другая ложная теория, возникшая еще в I–II веках, – так называемое учение докетов¹⁵. Докеты были приверженцами эллинской философии, пытавшимися примирить и объединить ее с христианством. Для них казалось немыслимым, что Божественная природа могла воплотиться.

Это абсурд, возмущались они, Бог не может быть человеком! Впрочем, эта тайна и по сей день остается абсурдом,

¹⁵ От греч. *δοκέω* – «казаться».

например, для всего мусульманского мира. Христианство же не просто настаивает на этом утверждении. Именно это учение и есть суть и отличительная черта христианской веры. Если мы не принимаем его, то мы – не христиане.

Докеты полагали, что человеческая природа Христа была лишь мнимой, кажущейся. Согласно их представлениям, Дева Мария держала на руках «мнимого» Младенца, ученикам только «казалось», что рядом с ними – человек, и, в конце концов, всем только «подумалось», что распят был Сын Человеческий. На самом деле существует только Бог, а Тело было всего лишь «призраком», некоей «видимостью».

Такое учение разрушает само существо христианской веры. Еще апостолы заметили тенденцию к такой рационализации и воспротивились ей, особенно Иоанн Богослов, писавший:

Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста (Ин. 4: 2–3).

Как видим, апостол ставит этот вопрос во главу угла христианской веры. Таким образом, христианская Церковь, начиная со святых апостолов, исповедовала, что Христос является не мнимым, а истинным, подлинным человеком со всей нашей анатомией и физиологией, со всем, что присуще

человеческой природе. Подлинный человек припадал к груди Богоматери, подлинный человек был обрезан на восьмой день, подлинный человек ходил по земле, подлинный человек был распят на Кресте, положен во Гроб, а потом воскрес.

Однако трудно поверить во все это до конца, и тот же Аполлинарий, исповедуя, что Богом была воспринята истинная человеческая плоть, предложил учение, которое на первый взгляд кажется приемлемым и даже удачным. Оно как будто что-то объясняет, как будто упраздняет «абсурдность» нашей веры... Впрочем, еще раннехристианский теолог и писатель Тертуллиан (155/165 – 220/240) повторял: «Верую, ибо абсурдно». Но иногда так не хочется абсурдов, хочется, чтобы все было понятно!

Аполлинарий рассматривает тройственный состав человеческого естества: дух, душу и тело. Между прочим, так же называется и знаменитый труд святого исповедника Русской Православной Церкви, выдающегося хирурга и духовного писателя, архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого; 1877–1961). Аполлинарий пишет, что у Христа была подлинная плоть, то есть Он имел настоящее физическое тело и настоящую душу, так что Ему был полностью доступен весь мир человеческих эмоций и чувств: Он страдал, тосковал, радовался... Но человеческий дух во Христе был замещен Логосом, это и было Божественное Слово, которое восприняло человеческую плоть и человеческую душу.

Таким образом, Аполлинарий не испытывал трудностей с такими, например, фразами, как *Слово стало плотью* (Ин. 1: 14), или со словами, произнесенными Господом в Гефсиманском саду: *Душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26: 38). Казалось бы, у него не могло возникнуть проблем с богословием. Логос, Второе Лицо Троицы во Христе, и занимает место человеческого духа. Однако святые отцы не приняли и это учение, отвергнув его как еретическое. Они утверждали, что Христос воспринял подлинную плоть человеческую, подлинную человеческую душу и подлинный человеческий дух. Вся эта полнота человеческой природы соединилась с Предвечным Словом, то есть с Богом.

На первый взгляд, учение отцов Церкви менее логично, нежели учение Аполлинария. Но они исходили из аксиомы: «Что не воспринято, то и не спасено». Христос воспринял человеческую плоть, поэтому наша плоть спасается; Христос воспринял человеческую душу, поэтому спасается и наша душа. Но если бы Господь не воспринял человеческий дух, то человеческий дух не спасался бы.

Иисусу была доступна и духовная жизнь человека. *Отче! В руки Твои предаю дух Мой* (Лк. 23: 46), – говорит Он на Кресте. Нам не следует перетолковывать эти слова в том смысле, что Господь имел в виду душу, мы должны воспринимать их буквально: речь идет именно о духе, о высшем проявлении человеческой природы.

Это учение Церкви отражено в третьем члене «Символа

Веры»: «Нас ради человек и нашего ради спасения... воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы...» Зачем же потом добавлено: «...и вочеловечшася»? Казалось бы, здесь мы сталкиваемся с очевидным повторением, но «Символ Веры» подобен строгой математической формуле, в которой не должно ничего недоставать, равно как и не должно быть ничего лишнего.

Дело в том, что «плоть» и «человек» – отнюдь не одно и то же. Под «плотью» понимается материальная субстанция, но ни в коем случае не дух. Причастие «воплотившагося» вполне устроило бы Аполлинария, однако добавка «и вочеловечшася» предполагает как раз принятие Христом человеческого духа. Таким образом, Спаситель был не «призраком», как полагали докеты, и обладал не какой-то «половинчатой» частью человеческой природы, как думал Аполлинарий, а именно всей ее полнотой.

Словам «Сын Человеческий» присущ один интересный оттенок. Нам было бы проще ощущать Его «Отцом Человеческим», ведь Сын – порождение Отца. Но в этом-то среди прочего и состоит кенозис, или, говоря по-русски, истощение Божества. Господь настолько смирился и снизошел к нам, что сделался порождением Собственного творения.

О человеческой немощи

Человек – существо немощное, причем речь вовсе не обязательно идет о немощи греховной: грех и немощь – вещи совершенно разные. К грехам

Христос был непричастен. Приверженцы секты Виссариона¹⁶ охотно соглашались с тем, что у их лидера есть грехи, потому что, по их словам, Христос должен познать в том числе и грехи для того, чтобы помочь грешникам. Но для христианского сознания такое утверждение абсолютно неприемлемо. Если кто-то вкусил грех, то, значит, и сам нуждается в спасении. Господь не может вкусить грех, понятие греха абсолютно несовместимо с понятием Бога: Он Свят. Немощь же не имеет никакого отношения к греху, человеческая слабость – не грех.

Иногда, говоря: «Человек немощен...», мы тем самым призываем к снисхождению к каким-то греховным слабостям. Но святой Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753/780) пи-

¹⁶ *Виссарион* (настоящее имя – Сергей Анатольевич Тороп; р. 1961) – глава организации «Церковь Последнего Завета». Считает себя основателем «учения Единой веры». Художник, бывший слесарь и сержант ГАИ. По некоторым сведениям, Сергей Тороп лечился от алкоголизма методом гипноза и содержался в больнице Минусинска. Перед созданием секты был активным членом уфологического клуба. Последователи Виссариона убеждены в том, что в его лице произошло второе пришествие Христа. Христианские Церкви считают Виссариона шарлатаном, лжехристом и лжепророком, его общину – тоталитарной и деструктивной сектой, а его последователей – несчастными людьми.

шет о «безгрешных страстях». Какими могут быть человеческие немощи? Немощь сил, немощь возможностей... Как же Бог Всемогуший (а именно таковым Он открылся Аврааму) может приобщиться к немощи? Этот парадокс присущ христианской вере, нашему исповеданию

Христа как Сына Человеческого. Когда речь заходит об этом, христиане нередко настораживаются: им кажется, что их чуть ли не в грех вводят, чуть ли не в ересь толкают! С другой стороны, если этого не принять, мы не примем Христа как Сына Человеческого, потому что человек не может быть ни всемогуш, ни всеведущ.

В чем же проявляется приобщение Христа человеческой немощи? Все мамы и папы пеленали своих детей. Ребенок в пеленах находится полностью во власти родителей, его возможности и свобода существенно ограничены. При этом он иногда капризничает, кричит. Родившегося Младенца Иисуса Дева Мария тоже сразу запеленала, и, как любой младенец, Он не мог освободиться от пелен. В этом впервые проявилась Его немощь. Иисус питается от материнской груди. Это тоже немощь: Божественный Младенец, так же как и мы, не может обойтись без пищи телесной, приняв немощь человеческой природы, которая требует постоянного восполнения жизненных сил. С этим мы еще столкнемся: после того как Иисус выдержал сорокадневный пост, Он *напоследок взалкал* (Лк. 4: 2). Не следует думать, что Ему было легко воздерживаться от пищи в течение сорока дней. Если бы Он

не поел в тот момент, то умер бы от истощения.

Евангелист повествует об отрочестве Спасителя: *Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков* (Лк. 2: 52). Кто может преуспевать? Лишь несовершенный. Совершенному преуспевать не в чем, он и так уже всего достиг. Белый цвет невозможно убелить, точно так же и совершенствоваться можно лишь до тех пор, пока совершенство не достигнуто. Значит, Иисус преуспевал, рос, становился все больше и больше, как всякий младенец и отрок; значит, в три года Он чего-то не знал, а в четыре уже узнал...

По этому поводу святые отцы рассуждали по-разному. Одни считали, что Иисус обо всем знал изначально, просто Его всезнание открывалось людям лишь постепенно. Мнение других сводилось к тому, что все знал и все знает Логос, а Сын Человеческий действительно мог чего-то не знать до времени и возрастал в познании. На мой взгляд, первое мнение вызвано боязнью согрешить перед Христом, признав, что Сын Человеческий – настоящий человек, а вовсе не сверхчеловек.

Вторую точку зрения подтверждает и евангельский текст, посвященный Второму Пришествию и событиям последних времен, которые волнуют всех. На вопрос учеников, когда же это произойдет, Господь отвечает: *О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец* (Мк. 13: 32). Иными словами: об этом не может знать

никто из живущих на земле, в том числе и пророки, а любой кичащийся своим мнимым знанием – лжепророк. Еще бы: ведь даже Ангелы на Небесах не знают об этом, не знает и Сын Человеческий – Учитель, Который уже произнес Нагорную проповедь, Который говорит о Своем Втором Славном Пришествии с Ангелами! Христос, восприняв человеческую природу, воспринимает вместе с ней и человеческое незнание, смиряется до конца.

Когда некто хотел пойти со Христом, Господь ответил ему:

Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову (Мф. 8: 20).

Мы сопереживаем немощи странника, которого ночь застала в пустыне или у подножия горы. Там он и заночевал, а утром отправился дальше. При этом путник проголодался и продрог в предутренней прохладе и страдал из-за этого.

Иисус предупреждал: *Сыну Человеческому надлежит пострадать и быть у биты*¹⁷. Эти страдания тоже не были призрачны, они были более чем реальны!

Я не раз слышал от прихожан: «Зачем было Спасителю страдать лишний раз? Он же – Сын Божий! Он же воскресил Лазаря! Он же мог сделать все!» Дело в том, что перед нами – яркое свидетельство человеческой природы Христа.

¹⁷ См. Мк. 8: 31; Мф. 16: 21; Лк. 9: 22.

Его дух возмущался, Он тосковал, Ему тоже бывало мучительно больно...

Друзья Иисуса

Человеку трудно прожить без друзей: без них ему одиноко, потому что наши души хотят быть понятыми и стремятся к любви. Но истинных друзей, к сожалению, всегда мало. Порой друзья юности превращаются со временем либо во врагов, либо в людей, которым мы совершенно безразличны.

Христос, как Сын Человеческий, ощущал потребность в дружбе, и, как и у всех людей, друзья у Него были, и так же, как у всех нас, их было очень мало. Едва ли даже всех учеников можно было по-настоящему назвать Его друзьями. Иисус выделял из них троих – Петра, Иакова и Иоанна, а иногда и Андрея. Он часто брал их с Собой – в дом Иаира при воскрешении его дочери, в Гефсиманский сад... Иногда Иисус хотел остаться именно с друзьями, а не просто с учениками. Некоторые говорят о «любимчиках» или «фаворитах». Что ж, Петр, Иаков и Иоанн оказались фаворитами в прямом смысле слова – именно их Господь взял с Собой на гору Фавор.

Любовь Христова подобна солнечному лучу, освещающему всех без исключения: как Его современников, так и нас с вами. Мы ничем не обделены по сравнению с теми, кто окружал Иисуса в Его земной жизни. «Леонардо да Винчи XX века», отец Павел Флоренский¹⁸ говорит об этом так: если

¹⁸ *Флоренский ПА.* (1882–1937) – православный священник, богослов, фило-

бра́к – это двое в плоть еди́ну, то дру́жба – это двое в ду́шу еди́ну. Дело не в том, что Флоренский стремился принизить значение брака. Он высказал интереснейшую мысль, в которой, безусловно, содержится зерно истины.

Христос любил всех, но полного единения душ со всеми быть не могло. Ни один евангелист не свидетельствует об обидах других апостолов по поводу того, что Иоанн Богослов был любимым учеником Господним. Сам же Иоанн пишет о себе как об ученике, *которого любил Иисус*¹⁹, не называя, впрочем, своего имени. Конечно, так мог сказать каждый, но не каждый чувствовал это на самом деле. Речь идет не об особой любви Иисуса, а об особой душе Иоанна, которая была особенно восприимчива к любви Господа.

Христос говорит:

Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего (Ин. 15: 15).

Когда Иуда поцеловал Иисуса, Тот сказал ему: *Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Лк. 22: 48) – и с горечью добавил: – *Друг, для чего ты пришел?* (Мф. 26: 50). Христос еще раз напомнил Иуде, от чего тот добровольно отпал: от Его дружбы!

соф, ученый и поэт.

¹⁹ См. Ин. 13: 23; Ин. 20: 2; Ин. 21: 7; Ин. 21: 20.

Потерять дружбу действительно страшно, ею нужно дорожить! Необходимо дорожить любовью, если мы ее чувствуем, если мы можем сказать о себе: «Я тот, кого этот человек любит!»

Слова Христовы: ...но Я назвал вас друзьями — стали причиной одного из давних споров православных с баптистами, которые часто твердят о своей «дружбе» с Иисусом. «Верного друга я нашел во Христе!» – поют они на собраниях, а вот православным такие гимны чужды. Мы предпочитаем называть себя рабами Божиими. Так кто же из нас прав? Может быть, действительно, мы упускаем что-то из виду, постоянно вспоминая о рабстве и никогда – о дружбе?

Дело в том, что в представления баптистов вкралась существенная ошибка, которую православные инстинктивно чувствуют.

Но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего, потому что не вы Меня избрали, но Я (Ин. 15: 15–16), —

говорит Господь. То есть это именно Иисус называет кого-то другом, Он избирает, а у баптистов получается наоборот: они величают Его своим другом. Это – панибратство, это сродни тому, как если бы младший офицер подошел к генералу и назвал его своим приятелем.

Авраам называется другом Божиим. Господь говорит:

Утаю ли Я от Авраама, что хочу делать! (Быт. 18: 17). Генерал не обязан отчитываться перед лейтенантом, однако друг не может принять какое-то жизненно важное решение, не сообщив об этом другу. Поэтому если Господь кого-то из нас назвал Своим другом, Он не предпримет ничего прежде, чем скажет ему.

У Иисуса были такие друзья. Один из таких дружеских домов – дом Марфы, Марии и Лазаря. Иисус любил приходить туда. В Евангелии от Иоанна есть слова, свидетельствующие о дружбе Христовой, которые часто не замечают: *Иисус же любил Марфу и сестру ее, и Лазаря* (Ин. 11: 5). Видимо, какие-то особые дружеские нити связывали сердце Сына Человеческого с сердцами членов этого семейства.

Марфа и Мария посылают к Иисусу, находившемуся достаточно далеко от них, вестника: *Сестры послали сказать Ему: Господи! Вот, кого Ты любишь, болей* (Ин. 11: 3). Они ни о чем Его не просят, а просто шлют Ему весть, даже не задумываясь о том, как Он поступит. Для них это – не главное.

Обсуждая с учениками полученное сообщение, Иисус говорит: *Лазарь, друг наш, уснул* (Ин. 11: 11), подразумевая, что круг Его дружбы не ограничивается только двенадцатью апостолами. Эти строчки Евангелия едва приметны, но как они близки нам и трогательны! Они по-новому открывают нам Сына Человеческого, Который избирает среди нас друзей и хочет этой дружбы!

«Благожелатели» Иисуса

Нам нравится, когда у нас появляются защитники, адвокаты. Трудно общаться с одними обвинителями, хотя и сказано в Священном Писании:

Пусть наказывает меня праведник: это милость; пусть обличает меня: это лучший елей, который не повредит голове моей (Пс. 141: 5).

Мы понимаем, что нам полезно обличение, однако так хочется чего-то другого!..

У Иисуса такие благожелатели тоже были, но благожелательность – это тот елей, который может повредить, поэтому надо быть внимательным, и Господь оставался начеку. Когда Христос сказал, что Ему надлежит пострадать, Петр, как настоящий друг, ответил:

Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою (Мф. 16: 22).

Казалось бы, не отреагируй Петр на слова Иисуса именно таким образом, можно ли было бы после этого считать его другом? Ведь есть возможность избежать беды – просто не идти в Иерусалим, не говоря уже о том, что Господь обладал

Божественными силами и без труда мог противостоять любым врагам. Но мы помним резкий ответ Иисуса:

Отойди от меня, сатана! Ты Мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф. 16. 23).

Вот пример того, когда дружба может повредить, когда «стрелка» дружбы «зашкаливает», выходя за положенные ей пределы и потворствуя человеческой слабости.

Злоба фарисеев против Христа нарастала, и Его дальнейшее пребывание в Иудее могло лишь еще больше распалить ее. Авгарь, царь Эдессы²⁰, который слышал об Иисусе и чей посланник Анания уже был отправлен в Палестину с заданием запечатлеть лик Христа, пригласил Иисуса к себе, предоставляя Ему, как бы мы сегодня выразились, политическое убежище. Иисус мог бы беспрепятственно проповедовать, творить чудеса, и, пока царствовал Авгарь, Его никто и пальцем бы не тронул. Это мы знаем из Предания. Что же касается Священного Писания, то Авгарь в нем не упоминается, зато сам этот случай описывается:

Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаи-

²⁰ Эдесса (греч. Εδέσσα) – древний греческий город, располагавшийся на юго-востоке современной Турции.

ды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому²¹. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою (то есть свою жизнь) погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную (Ин. 12: 20–25).

Ответ Иисуса свидетельствует о том, что Ему была предоставлена возможность избежать смерти, но великодушное предложение Авгаря было Им отклонено.

Людам свойственно радоваться. Первым чудом, совершенным Христом, было не исцеление больных или изгнание нечистых духов из одержимых, а претворение воды в вино на браке в Кане Галилейской. Казалось бы, эка невидаль – на свадьбе не хватило вина! Ну и что, потерпят, от этого еще никто не умирал! Но Иисус не позволил омрачиться человеческой радости. Здесь проявляется очень тонкое и такое человеческое чувство! Не может человеческая душа постоянно пребывать в состоянии натянутой тетивы. Христос пришел, в том числе и для того, чтобы принести в этот мир радость, чтобы преснота и безвкусие больше не обедняли нас.

²¹ Все святые отцы единодушно толкуют эти слова как относящиеся к грядущим крестным страданиям Христовым. Слава Господня – Его Крест.

В Евангелии от Матфея Иисус, говоря о людях, сравнивает Себя с Иоанном Крестителем:

Кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам (Мф. 11: 16–19).

Говорят: «С кем поведешься, от того и наберешься» или «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Многие иудеи полагали, что знакомство с далеко не самой лучшей частью тогдашнего общества ставило под сомнение праведность Христа. И действительно, если Иоанн Креститель был проповедником покаяния, будил совесть и пел *печальные песни*, то Иисус нес радость. Но людям не угодишь... По сравнению с Иоанном Крестителем Христос – дитя, играющее на свирели. Он, как Орфей, укрощал Своей игрой нравы диких зверей.

Внешность Иисуса Христа

В Евангелии не говорится о том, как выглядел Спаситель. По этому поводу древние учителя придерживались различных точек зрения. Одни полагали, что Иисус был некрасив, ссылались при этом на пророка Исаию:

Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изнедававший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презируем, и мы ни во что ставили Его (Ис. 53: 2–3).

Такого мнения придерживался, например, Тертуллиан. В отличие от него, святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407) говорил о Божественной красоте Господа, ведь еще псалмопевец восклицал: *Ты прекраснее сынов человеческих!* (Пс. 44: 3).

Как бы то ни было, до нас дошло послание Публия Лентула, направленное Сенату еще во времена земной жизни Спасителя, где дается описание Его внешности. Сенатор писал: «Этот человек высокого роста и строя. Его русые волосы опускаются гладкими до низа ушей и оттуда падают вол-

нистыми локонами на самые плечи. Они разделены наверху головы, как у назареев. Нос и рот весьма правильные, борода довольно густая, небольшая, одинакового цвета с волосами головы, разделяется на две части на подбородке. Глаза голубые и чрезвычайно живые. Его никогда не видели смеющимся, но видели плачущим». Это описание полностью соответствует иконографической традиции.

Страдания Сына Человеческого

Поговорим о страданиях Христовых. Возможно, только ради них Он и стал Человеком. Творить чудеса Господь мог и не воплотившись, учить людей мог и посланный Богом пророк. Но пострадать, не вочеловечившись, было поистине невозможно. Для того чтобы совершить наше спасение и искупление, Христос воплотился и принял страдания. Блаженный Августин (354–430) восклицает: Господь мог бы создать мир красивее, чем этот. Господь мог сотворить мир более величественный, чем наш. Для всего этого хватило бы премудрости и всемогущества Божия. Но любовь Божия не могла придумать ничего большего, как отдать на заклание Своего Единородного Сына. И Он Его отдает!

Страждущие плачут, поэтому и Иисус плачет. Новый Завет упоминает о трех таких случаях. Сначала это были слезы друга: умер Лазарь, и Господь оказался в доме Марфы и Марии.

Иисус прослезился. Тогда иудеи говорили: смотри, как Он любил Его. <...> Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу (Ин. 11: 35–38).

Тяжело хоронить друзей...

Затем слезы Сына Человеческого были слезами Мессии,

входящего в Иерусалим, когда толпы людей, размахивавших пальмовыми ветвями, ликовали:

Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! (Ин. 12: 13). Тогда Иисус приблизился к городу... смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих (Лк. 19: 41–42).

На этом месте ныне возвышается церковь. По-латыни она называется *Dominus flevit*, то есть «Господь Плачет». Этот храм ориентирован не на восток, а на запад, поскольку расположен восточнее Иерусалима. Храмовая апсида²² выполнена из стекла, поэтому люди, находящиеся в церкви, видят то же самое, что видел и Иисус, когда стоял на этом месте: склон Елеонской или Масличной горы и Святой город.

На престоле²³ изображена птица, собирающая птенцов под свои крылья.

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под

²² Апсида (от др. – греч. ἀψίς; лат. absis – «свод») в храме – алтарный выступ. Функция апсиды – завершение алтарного пространства.

²³ Престол в христианском храме – каменный или деревянный стол, находящийся в середине алтаря и освященный архиереем для совершения на нем Евхаристии.

крылья, и вы не захотели! (Мф. 23: 37), —

плачет Мессия, не узанный в Своем городе при победных кличах и триумфальных возгласах народа. Но Христу нужны не царские почести!

В третий раз Господь плакал в Гефсиманском саду. Он Сам говорит: *Душа моя скорбит смертельно* (Мк. 14: 34), а евангелист описывает это так: *Иисус начал ужасаться и тосковать* (Мк. 14: 33). Ужас и тоска обуревали одинокую душу Сына Человеческого в ночи Гефсиманского сада. Апостол Павел пишет:

Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за [Свое] благоговение (Евр. 5: 7).

Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты (Мк. 14: 36), —

этот слезный вопль немощи и отчаяния трижды возносился к небу. После целого часа душевного борения, когда пот, как капли крови, скатывался с Лица Спасителя и слезы орошали землю Гефсиманского сада, Он смирился.

Какая скорбь, какое одиночество владели Иисусом, когда Он страдал на Кресте! «Ученики бросили Меня, все разбежались. Наученные Мною — сегодня Меня распинают. Свя-

той город Меня не узнал. В конце концов, и это можно понять, все они – грешные люди, но, Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?» Словами псалмопевца:

Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою; спаси меня от пасти льва и от рогов единорогов, услышав, [избавь] меня (Пс. 21:20–22).

Душа Сына Человеческого сполна испытала муку богооставленности. И предательство Иуды, и отречение Петра, и шипы тернового венца, и гвозди вели к этому моменту средоточия голгофских страданий – к богооставленности. Теперь даже Отец Небесный и Тот оставил Его... Но как объяснить то, что едва ли укладывается в человеческое сознание? Ведь если считать, что первая ипостась Святой Троицы оставила вторую, то нет и Самой Троицы, Единосущной и Нераздельной. Если же говорить не об ипостасях, а о том, что Божественная природа оставила человеческую, то нарушается учение IV Вселенского Халкидонского собора, состоявшегося в 451 году, о том, что Божественная природа и природа человеческая соединены во Христе неслиянно и нераздельно.

Как ни думай, все равно попадаешь в ересь... Святые отцы это чувствовали и в данном случае избегали теологических рассуждений. Объяснить это противоречие можно

только сотериологически²⁴. Как говорит Блаженный Феофилакт, «Он произнес эти слова от нашего лица, это наша человеческая природа была оставлена Богом, потому что мы согрешили». Приняв нашу природу, Он теперь и это испытал на Себе. Так отчасти постигается великая тайна возгласа, исторгнутого в голгофской тьме.

Далее, как и всякий умерший человек, Иисус был погребен. Евангелие недвусмысленно говорит об этом: *Где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24: 28). Многие не желают относить эти слова к Христу, но святые отцы толкуют их именно таким образом. Позже и Ф.М. Достоевский проникновенно описал снятие Спасителя с Креста как следствие настоящей, физической смерти. В селе Большой Улуй Ачинского района Красноярского края стоит церковь с чудотворной иконой, изображающей снятие Господа с Креста. Все изображение выполнено в цвете, а Тело Христово представит перед нами в необычном, черно-белом изображении. Может быть, это иконографически рискованный прием, но живописно – необыкновенно сильный и пронзительный...

Итак, наступила смерть, Тело Иисуса было положено во Гроб, а Его душа, как и всякая человеческая душа, сошла во ад. Об этом пишут апостолы: *Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал* (1 Петр. 3: 19). *Он сошел в преисподние места земли* (Еф. 4: 9), а когда воскрес, восторже-

²⁴ *Сотериология* — богословская дисциплина, раскрывающая православное учение о спасении, являющаяся частью догматического богословия.

ствовала жизнь. Апостол Фома хочет удостовериться в свершившемся чуде. Господь простирает к нему Свои пронзенные руки и зовет: прикоснись! убедись!

Когда Спаситель в первый пасхальный вечер при затворенных дверях вошел к ученикам, те закричали от ужаса. Это и понятно: только призраки входят через закрытые двери. Но перед ними предстает реальный, живой человек, который к тому же спрашивает, не найдется ли у них чего-нибудь съестного. Нашлись мед и рыба, и Христос принялся за еду. Они должны были воочию убедиться в том, что человек воскрес, воскресла человеческая природа, навсегда освобожденная от смерти. Пасхальным торжеством окрашено человеческое естество в Евангелии.

Наконец, наступает тот светлый летний день, когда с горы Елеонской Спаситель во плоти возносится на Небо. С человеческой плотью Христос соединен навсегда. В ней Он пребывает сейчас, в ней же Он вернется и вновь, как повелили Ангелы ученикам:

Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо (Деян. 1: 11).

Ожидая Второго Пришествия Христа, мы ждем именно Пришествия Сына Человеческого. Плоть Господа пребывает на Небесах и таинственно дается нам в Евхаристии. В Апокалипсисе Ангел из храма говорит Сыну Человеческому:

Пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела (Откр. 14: 15).

Христос – Сын Божий

Обратимся к размышлениям о Христе как о Сыне Божием. В этих словах также заключена великая тайна. Именно они порождают невероятное разномыслие. Человек либо принимает Христа как Сына Божия, либо, если он этого сделать не в состоянии, у него неизбежно возникают другие, самые различные предположения.

Что такое Сын Божий? В Священном Писании эти слова употребляются в различных смыслах, поэтому и христиане понимали их тоже по-разному. То или иное восприятие этого словосочетания делает человека или православным, или еретиком.

Нередко под ересью подразумевается все что угодно, например: обычай креститься двумя, тремя или пятью перстами справа налево или слева направо и многое-многое другое... Но изначально понятие «православие» возникло в связи с различным пониманием тайны Божия сыновства. Именно это – мерило и главный критерий нашего православия!

Иногда в Священном Писании сыновьями Божиими называются Ангелы, например:

И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана (Иов. 1:6).

Далее описывается, как сатана клеветает на Иова. Из-за этих наветов Бог посылает особые страдания Иову, названному «многострадальным».

В другом случае, когда в Вавилоне за отказ поклониться истукану, воздвигнутому великим Навуходоносором, в огненную печь бросили трех отроков – Ананию, Азарию и Мисаила, обнаружилось, что в печи находились не три, а четыре человека, *и вид четвертого подобен Сыну Божию* (Дан. 3: 92).

Конечно же, рассуждая о «Сыне Божиим», халдеи²⁵ вовсе не имели в виду «единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворена, единосущна Отцу, Имже вся быша». Они лишь выражали свое изумление перед чем-то поразительным, неслыханным, из ряда вон выходящим, тем более что поклонение духам и ангелам вообще было присуще язычеству.

Сам Господь говорит: *Я сказал, вы – боги. И сыны Всевышнего – все вы* (Пс. 81: 6). Речь в данном случае идет не об Ангелах, а о судьях, причем далеко не всегда праведных... Израильские цари тоже назывались сынами Божиими. Мессия в иудейском понимании означал царя, Сына Божия. Ко-

²⁵ *Халдеи* (вавилонское Kaldu, *евр.* כַּשְׁדִּי («Касдим»), *греч.* Χαλδαίοι) – семитский народ, проживавший в области устьев рек Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива.

гда Нафанаил скажет: *Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев* (Ин. 1: 49), он не будет вкладывать в эти слова тот смысл, который сегодня подразумевается православными. Нафанаил имел в виду лишь некую исключительную личность, некоего избранника и посланника Божия, Который пришел в мир, чтобы исполнить какое-то Божественное предназначение. Впрочем, и весь избранный Богом израильский народ называется так же. У пророка Осии говорится:

Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего (Ос. 11: 1).

Таким образом, слова «Сын Божий» в дохристианские времена воспринимались далеко не так, как сегодня, и, читая Святое Евангелие, мы должны это учитывать.

А что же Сам Христос? О Своем богосыновстве Он говорит очень мало и весьма осторожно. Публично практически не говорит вообще. Возникает закономерный вопрос: почему? Ведь пришедшему в этот мир Спасителю не составило бы труда сотворить такое чудо, которое вынудило бы людей признать Его Сыном Божиим. Но какой в этом был бы смысл? Никакого, ведь Христос пришел для того, чтобы спасти нас. Он стал Человеком, чтобы, как говорит святой Афанасий Великий (ок. 298–373), люди стали богами, то есть чтобы они приобщились к Божественной природе.

Господь хочет быть узнанным. Он не говорит о Себе: «Я –

Сын Божий», Он ждет, когда так Его назовут люди. Человек сам должен прийти к истине, в противном случае это будет вынужденным признанием, которое не глубоко, от которого легко можно отказаться. Еще и поэтому Иисус предпочитает говорить притчами. Не стоит думать, что, даже отправившись за Христом, Его ученики сразу же уверовали в Отца и Сына и Святого Духа, в Сына, Единосущного Отцу и нераздельного с Ним. Они пошли за Господом, откликнувшись на зов своих сердец. Еще очень не скоро, далеко не сразу даже двенадцать апостолов осознают, Кем Он является на самом деле. Прозрение придет к ним постепенно...

Отцы Церкви полагают, что первым по-настоящему узнал Его Петр. Одни иудеи говорили, будто в Иисусе воплотился Илья, другие – Иеремия или кто-то еще из древних пророков. Учитель спросил:

А вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго (Мф. 16: 15–16).

Святые отцы считают, что здесь Петр прозрел во Христе действительно Сына Божия в том значении, в котором Он исповедуется в «Символе Веры», поэтому исповедание Петра и есть исповедание Церкви. Это – камень, на котором построена Церковь Божия.

Обратимся к православному пониманию Богосыновства Христа. С одной стороны, все мы – сыновья и дочери Божии

по благодати, а Христос – Сын

Божий по Существу. В этом заключается качественное различие.

И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца (Ин. 1: 14).

Слово «Единородный» означает, что второго, третьего и четвертого Сына нет. Нас же, детей Божиих, много, и после каждого останутся потомки. Люди жили до нас, будут жить и после, но если говорится о Единородном Сыне, то речь идет явно не о богосыновстве по благодати, а о богосыновстве по существу.

Апостол Павел называет Христа еще и *первородным между многими братьями* (Рим. 8: 29). Здесь речь идет о Его человеческой природе. Как человек, Он – Первенец, первородный *между многими братьями*, по Божеству же Господь единороден. Он – Первый и Единственный Божий Сын.

О чем еще говорит нам Священное Писание в этой связи?

Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную [престола] величия на высоте (Евр. 1:3).

Слава Божия предполагает сияние, так же, как, например,

солнцу присущ свет, энергия, единосущная самому солнцу. Если о Сыне говорится как о Сиянии славы Отца, это означает, что Он по природе Своей единосущен Отцу.

Теперь уже невозможно с точностью определить, что именно имел в виду апостол Павел под словом «ипостась», используя его в Послании к Евреям. Это слово по-разному понималось и святыми отцами. Только к концу IV столетия окончательно сложится то понимание ипостаси, которого мы придерживаемся сейчас, когда говорим об Отце, Сыне и Святом Духе. Изначально же это слово не воспринималось однозначно. Интересно обратиться к его прямому, буквальному смыслу. «Ипостась» – слово греческое. Приставка ὑπό означает «под». Есть, например, дьякон, а есть иподьякон – служитель, стоящий ниже дьякона по церковной иерархии. Иподьяконами называют прислужников на богослужениях, совершаемых епископами. А στασις – это «статика». В качестве однокоренных слов можно привести, например, «иконостас». То есть ипостась – это в буквальном смысле «подставка». Подставка, на которую что-то ставят.

Всегда опасно, а зачастую и грешно говорить о Боге – Ему следует поклоняться. Выдающийся теолог, епископ и учитель Церкви, святой Иларий Пиктавийский (ок. 315–367), который за свою твердую позицию в борьбе с арианской ересью, отрицавшей божественность Христа, был назван «Афанасием Запада», писал: «Только злоба еретиков заставляет нас говорить о Боге, чтобы отметить неверные, ложные пред-

ставления».

Употребляя слово «ипостась» по отношению к Господу, мы имеем в виду то, на чем может базироваться вся полнота Божества. Ипостась Отца – это

Бог, ипостась Сына – тоже Бог и ипостась Святого Духа – это Бог. Ведь один и тот же предмет, установленный на разные основания, все равно останется самим собой. Так и здесь: Бог может пребывать в ипостаси Отца, в ипостаси Сына и в ипостаси Духа Святого. При этом неизменной сохраняется вся полнота Божества – никакого рассечения на три части не происходит, существо Божие остается единым.

Ну а на что может опираться вся полнота Божества? Все мы тоже можем в определенном смысле служить «подставкой» для Бога. Мы можем содержать в себе Господа, а Господь может опираться на нас в Своем Промысле. Он волен избрать нас для того, чтобы мы исполняли Его волю, занимаясь каким-то конкретным делом. В таких случаях мы становимся своего рода «Божиими подставками», впрочем, «подставками» чрезвычайно убогими, никак не могущими вместить в себя всю полноту Божества.

Лишь значительно позже слово «ипостась» будет соотнесено с латинским словом *persona* – «личность». Мы говорим о трех «лицах» Божества, но при этом должны отдавать себе отчет в том, насколько ущербными сравнениями вынуждены пользоваться. Ведь в этом случае очень легко вообразить некую троичность, совершенно не относящуюся к Господу.

Всей Вселенной не дано вместить Бога, а вот во Христе Он вместиться может, потому что Он – единородный Сын, Сиянье славы, ипостась Бога, равная первой ипостаси – Отчей.

Новый Завет говорит о «Слове», или «Логосе». Евангелие от Иоанна начинается так:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин. 1:1).

Ранние отцы Церкви гораздо чаще пользовались понятием «Слово», нежели словом «Сын». Такое предпочтение объяснимо: ведь если речь идет о Сыне, то невольно напрашиваются мысли о том, что когда-то Он был рожден, а следовательно, до этого не существовал. Такие представления приводили христиан к ересям. Понятие «Слово» намного тоньше. Как ум порождает Слово, так и Отец, по мнению святых отцов, порождает Сына. Христос, Сын Божий, является Словом Отца. Он – выражение того, что сокрыто в Отце.

В определенном смысле можно сказать, что об Отце мы вообще ничего не знаем. Отец – это вечная тайна. Отец – сокровенье Сына, а Сын – это явленное Отца, Слово Отца. Впрочем, следует заранее четко уяснить: не существует сравнений, которые можно было бы применить к Божеству. Отцы Церкви подчеркивали: все, что они говорят о Боге, – это уже не Бог, а всего лишь **их представления** о Нем. Не случайно из-за отождествления истинного Бога с нашим крайне огра-

ническим пониманием то и дело возникали ереси, вспыхивала злоба, множились раздоры...

Существо Божие абсолютно непостижимо, так же как абсолютно непостижимо и Богосыновство Христа. Однако непостижимые сущности проявляются в ощущаемых энергиях, и мы можем составить себе некое представление о Боге, выразив его даже той несовершенной речью, теми скудными словами, которыми владеем.

Итак, «Слово», «Логос» – это источник учения, источник знания. Иногда «Слово» соотносят с понятием «смысл». Вообще, существует немало различных интерпретаций. Например, в одном из переводов Евангелия от Иоанна мы читаем: «В начале была Музыка. Музыка была у Бога, и Музыка была Бог». Конечно, этот текст нельзя признать полноценным переводом, но в любом случае перед нами – очень интересное осмысление. Исполненная музыка, так же как и произнесенное слово, – это, прежде всего, звучание. И Сын – это есть звучание Отца, звучание предвечной Тишины, характеризующееся гармоничным благозвучием. В этом смысле слово «Логос» вполне может переводиться и как «Музыка». Как Слово рождается в молчании, так и музыка возникает в тишине.

Еще апостол Павел именует Христа Божией силой:

Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Ел-

линов, Христа, Божию силу и Божию премудрость (1 Кор. 1: 24).

Слово «Сила» в данном случае употребляется в очень глубоком смысле. Человек тоже обладает определенной силой – нравственной, умственной и физической. Сама по себе сила – не личностна. Церковь будет возражать, если кто-либо решит представлять Сына Божия в качестве некоей безликой силы Отца. Перед нами – именно **личностная** Сила.

Не случайно апостол пишет о Христе – Божией Премудрости. Иудейское слово ΠΙΓΣ У, так же как и греческое Σοφια, по-русски означает «мудрость», «знание», «мастерство». Создается ощущение, что премудрость даже теснее соотносится с душой, нежели Слово. Слово уже вырвалось наружу, а премудрость по-прежнему пребывает в ее недрах...

В XIX столетии в трудах великого философа и поэта Владимира Соловьева (1853–1900) возникло учение о Софии, которое позже было развито в работах отца Павла Флоренского и протоиерея Сергея Булгакова (1871–1944). Они рассматривали Софию не как Отца, не как Сына и не как Духа Святого. У Флоренского есть размышления о «Софии тварной» и «Софии нетварной», а Булгаков размышляет об «ипостаси неипостасной», вводя, по сути, практически четвертую ипостась Божию. В этом случае получается, что Бога и Его творение разделяет некое промежуточное «Нечто», ведь

«София нетварная» – это Божий замысел о творении, а «София тварная» – Божий замысел в своем осуществлении.

В свое время мне было очень сложно читать эти работы. Я досадовал на себя за непонятливость и очень обрадовался, встретившись позже с книгой Владимира Лосского (1903–1958) «Спор о Софии». В ней автор показал всю несостоятельность этого утонченно-изошренного философского учения. Полагаю, что Ангел Хранитель сохранил меня от того, чтобы воспринять его.

Ничего промежуточного между Богом и тварью нет, и размывать эту границу нельзя. Софиология низводит христианство к языческому мировоззрению.

Согласно учению святых отцов, «София» – это не какая-то «Ипостась неипостасная», а Второе Лицо Святой Троицы, Сын Божий.

Начало учения о Премудрости Божией заложено еще в Ветхом Завете. В восьмой главе Притчей Соломона удивительно описывается «София», «Премудрость». Она Сама говорит о Себе как о «художнице Божией», бывшей при творении мира. Причем речь идет именно о личностной, персонафицированной Премудрости:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.